

Светлана Михеева

НА ЗИМНИЕ
КВАРТИРЫ

стихотворения

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2018

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
М69

Книга издана на грант Министерства культуры и архивов
Иркутской области

Автор фото *М. Свирина*
Редактор *Б. Аюшеев*
Обложка *А. Мартынова*

Михеева С.

М69 На зимние квартиры: Стихотворения. – М.: Водолей,
2018. – 128 с.

ISBN 978–5–91763–438–8

Светлана Михеева живет в Иркутске. Окончила Литературный институт им. Горького. Поэт, прозаик, эссеист. Автор семи книг. Произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Октябрь» «Сибирские огни», «Сибирь», «Юность», «Волга», «Байкал», «Журнал поэтов», «Грани», «Литература» и других, в антологиях. Участник многих литературных фестивалей. Лауреат международного Волошинского литературного конкурса. Член Союза российских писателей, возглавляет Иркутское региональное представительство СРП.

Пафос новой книги С. Михеевой: география пройдена и больше не повторится; время развоплощается по личному желанию человека. Всё становится условным, но за географией мы встречаемся сами с собою.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN 978–5–91763–438–8

© С. Михеева, 2018
© А. Мартынова, обложка, 2018
© Издательство «Водолей», оформление, 2018

ЧАСТЬ I

Жители

Я родину люблю за красные холмы,
где прячется в каменоломнях тьмы
мелодии настойчивая весть.
В пейзаже спрятана задумчивая повесть.
Умей её прочесть.

Иным он декорация. Тем скушен,
что маленькому богу непослушен,
трава свободомыслием полна.
Другим приятна вольная стихия –
но катит мимо волны золотые,
до кончиков в себя погружена.

История свидетельствует нам:
пейзаж – рассказчик, а природа – храм,
в нём семечко бессмертного сюжета
Лежит и ждёт. Над ним, неуловим,
огнёвкой танцует херувим
над телом погибающего лета.

Холмов моих невыразимый знак
цепляет облаков архипелаг.
Берёзы шелестят,
им в переплётё тесно.
Вдруг ласточка взмывает запятой
из повести изящной и простой.
О чем она? Тебе известно.

Точно золото в гуще глухого песка
 Млеет солнце тревожных пустынь.
 Безответно влюблённые шлеются облака
 Над балконами сонных богинь.
 Растревоженный ветер кричит дураком,
 Вызывает на волю: пора!
 Ожидая, в халате своём шутовском
 Под балконами бродит жара,
 По двору, завершая дневные труды,
 То замрёт, то листвой запуржит,
 Что сбежала и так в ожиданье воды
 Лёгкой лодкой на воле лежит.
 Осязает ли время внутри живота
 Золотые от зноя пруды?
 Что о нём говорить, если время – вода,
 Если ты состоишь из воды.
 В ней храбрейшие в мире погибли мужи,
 Ей единственной в мире: хвала! –
 И попробуй иное воде докажи,
 Порождающей нас без числа.

Те, которые слушать сейчас собрались
 Музыкальную форточку, дырку в боку –
 Крупнолистные олухи тянутся ввысь,
 Подставляя сухие тела ветерку,
 Дряхлый тополь до слёз утомлён чехардой,
 Птичья сыплется вниз болтовня, болтовня:
 Разве воздух сравнится с гневливой водой,
 Даже если он – воздух огня?

Посреди превращения младенческой лжи
 В серебристые крылышки лебеды
 Как свидетели Иёговы рвутся стрижи
 Проповедовать славу безумной воды.
 Всё снаружи окрасил слезливый минор.
 Тёплой ватой тела облепили насест.
 Только скрипочки сердца выходят во двор,
 Привидения маленьких мест.
 Светит красной боярки надёжная кровь
 Тем, кто в маленьком счастлив пути,
 Тем, кто маленький сам, кто возможен без слов,
 Кто живёт здесь, желая уйти.

Сдвинуть слово, сделать перестановку –
 Зрячая тишина заметит обновку.
 Тебя заметит глазастая тишина –
 Ты прикидываешься птичьим горлышком,
 Прикидываешься соломинкой,
 Прикидываешься, но видна

Отцу Циолковскому с его дирижаблями,
 Круглым домикам, облачку, размазанному соплёй.
 Тело в комнате тлеет, покрыто землёй.
 В теле одновременно и тесно, и пусто.
 Это город созрел кочаном капустным.
 В оба сюда смотрите, святые отцы:
 Черти его разбирают на голубцы.

Что в нём сладкого? Горечь одной потери.
 Что в нём горького? Сладость другой потери.
 Стекла сыпались. Руки у нас потели.
 Память кралась, натаптывая тропу,
 Чтобы мы покинуть его хотели,
 Раздавить, как яичную скорлупу.

Мы попали в начало его историй,
 Гулким эхом тёмных аудиторий,
 Синим телом строки,

Белым дворцом и мавританским красным,
 Чем-то жарким, чем-то, увы, напрасным,
 Плавунцом, пускающим пузырьки.
 Розовой пенкой,
 Новой иркутской стенкой,
 Ставней полусгоревшей
 Барышней, яду съевшей,
 Плачущей
 у реки.

В матках квартир созревает усталость.
 К ночи родится, а к утру умрёт.
 Что мне останется, маленький бог,
 Скрючившись, лёгший на раненый бок?
 Только лишь зрелость? Только лишь старость? –
 Милая участь спокойных сирот.
 Что за волнение рощицу рвёт
 Напополам, словно ветхую тряпку? –
 Время возлюбленных призраков дня,
 Всадника, башни, дракона, коня.
 Вообразив обо всём понемногу,
 Ветер ревнивый за шторы проник,
 Гладит белёсую нежную ногу,
 Ухо ласкает, целует язык,
 Спящие в мире машин, где Ничто,
 Производя разговорчивых мёртвых,
 Огненных страусов, бледных сильфид,
 Воображает вину или стыд,
 Гладит и бьёт незнакомую кожу,
 Точно как пашет поля человек.
 Волки-дожди очертания гложут
 В устьях ревущих и воющих рек.
 Дева с драконом спасаются в башне.
 Рушится дверь от напора извне.
 Дети пожаром мелькают в окне.
 Как воплощённая радость ошибки,

Красный от крови, холодный и липкий,
 Движим язык по зелёной стене.
 Рыцарь взбегает, бряцая железом,
 Радостно движется к подвигу он.
 Что же он видит, собой опьянён?
 Окна у башен подобны надрезам.
 Деву со страстью целует дракон.
 Дева его от меча закрывает.
 Всякое, знаете, в жизни бывает,
 Что и не снилось иному ханже.
 Так и живут на восьмом этаже.

Пора вернуться к неочевидному языку,
 К языку цветенья в пору, когда пыльца
 Пачкает брюки медленного отца,
 Платье матери, с молнией на боку.
 В пору засухи – капли остались в улье,
 Там жужжат и тратят воздушный мёд.
 Капли летят, но отгаливаются от
 Тонкой травы, летят, опрокинув стулья,
 Возвращаются. Воздуха горячий
 Из-под земли на волю идёт ручей.
 Отягощённый древней бездомной страстью,
 Он корчует камни, несёт песок,
 Чёрный волос, серебряный волосок,
 Лёгкие щиколотки, бронзовые запястья.
 От волнения бормочет благую весть:
 Наконец ты становишься тем, что есть,
 Чистым терзаньем, переходящим смело
 В то, что разделено, но изначально цело –
 В женское тело оборотня, в сказочный матерьял,
 В тело мужское, что заберут в солдаты.
 Воздух пылал и вечер висел поддатый
 В тихом предместье, где сумрак себя разъял
 На теплоту и сухость будто в июле.
 Но был не июль. Звенели в саду кастрюли –
 Тётки варили ревеня. Дом изнутри пылал.

Мы помещаемся здесь или «здесь» помещается в нас?
 Видит ли нас слепота? Воспоминанье
 Сохраняет ли наши следы? Форма расплаты, где глаз
 Забираем за глаз, анахронизм, точно как и дыханье –
 В эру мечтаний, космический коих размах,
 Рушит приличную физику, требуя страсти,
 Квантовый гений искусства, огонь испуская из пасти,
 Сеет сомнения в маленьких милых умах.

Форма расплаты – дыханье, лишённое дня:
 Воздух не видит меня,
 Время не видит меня, перестает узнавать,
 Время, которое нужно садить, поливать,
 Время-растение,
 Время-прибытие сна,
 Время-прилив,
 Время – он и она.

Время-дыхание – в клеточке вместо хорька.
 Видишь отсюда? – истории дали пинка.
 Сколько не тщились украсить, на редкость она безобразна,
 Так одинакова, так, боже мой, безотказна!
 В море привычки к тому ж чересчур глубока.
 Слишком заметна при общем тоскующем эго.
 Кто доверяет ей в наш основательный век?
 Рохля, чудачка, кретин, идиот – человек,

Розовый знак на лукавой поверхности снега,
 Ангел, махающий лапками вверх и назад,
 Сентиментальное эхо дрянного аккорда,
 Рвущего камень, подобно иерихонской трубе.
 Музыка времени в целом подобна тебе,
 Бог мой, холодный мужчина на фоне фьорда.

Наполнясь звуками и днями
 Воздух-тихоход ползёт за нами,
 Дождь запаздывает. Лес кряхтит и жмётся,
 С краю дятел маленький смеётся.

Комната разрушена дотла,
 Выжжена до основания,
 Чьи-то мимолётные тела
 В ней объаты негой узнавания.
 Дождь завяз в переизбытке крон.
 Здесь же всё поставлено на кон,
 От фигурки до другой фигурки
 Клеточка, полрюмочки, окурки
 И переплетения вдвоём.
 Он, пересыхающий водоём,
 Весь дрожит, она
 Едва додружила до субботы,
 Наполнясь медленным их огнём
 Жадно ищет стихия своей работы.

Время комнат, жители их мертвы,
 Тело – царя горы и землю травы –
 Гложет сопредельная безмятежность.
 Рядом корчится маленькая земля,
 Эту палубу древнего корабля
 Можно принять за ярость, а можно за нежность.

.....

За простор от комнат, от кухонного вранья.
 Тоньше любого чуда, уже любого «я»
 Отголосок в тени волнующих отголосков,
 Слышимый только жителям пустырей,
 Крутит вальсы забывчивый друг-борей,
 Обдувает тоненькую полоску –
 Балуется бельём. На пол сметает
 Чашку, образуется водоём.
 Бумагу рассеивает. Комната, зарастает
 Ветром. Земля летает
 Таинственным кораблём.

Покойных обобщают кладбища,
 Ничем не занятый народ
 Скучает, точно чёрт на капище,
 Ни пьёт, ни взятку не берёт.
 От скуки бесконечно выцвели
 Жильцы подземных пустырей.
 В непримиримой оппозиции
 Топорщит пёрышки пырей.
 Возведена в мегаломанию,
 Спроси любого мураша,
 Беспечность, признак забывания,
 Порхает крыльями шурша,
 Звенит среди тряпичных клумбочек,
 Где делом занят сельдерей –
 Среди камней и полых тумбочек,
 Уснув над списком кораблей,
 Качает зонтики беспечные.
 По совокупности примет
 Здесь заключён на веки вечные
 Иван Иваныч, бродсковед.
 Он видит сон, сопя в шкатулочке:
 Ещё при жизни вожделен,
 Катит себе по третьей улочке
 Беспечно-белый ситроен.
 Купил такую же капустницу,
 Скопив по истечении лет,

.....

Достойный прах на пятой улице,
 Товарищ, тоже бродсковед.
 Возила их порой осеннею
 Капустница, светла, легка,
 Свободы олицетворение,
 Родного гения строка.
 Теперь от кладбища цветущего,
 Скорей похожего на сад,
 Уносит прежний образ сущего
 В небесно-синий мармелад,
 С утра вкусив траву забвения,
 Дороги старая кирза.
 С обочин раздаются мнения.
 Ромашка, символ откровения,
 Таращит жёлтые глаза.

Ангелы железными зубами
 Рвут на завтрак пироги с грибами,
 Хлещут стаканáми рыжий чай.
 Дуновенья, вегетарианцы,
 Сумрака безвестного посланцы:
 – Мы пойдём, пройдемся, не скучай.
 Раскатаем время по бульварам,
 Тёплым телом, золотистым шаром.
 Тишиной охватим водоём.
 Приглядимся к тощей колокольне,
 Что цепляет к небу город дольний
 Крестиком, как праздничным цевьём.

Ангелы предшествующей эры,
 Нету здесь ни времени, ни меры,
 Брат мой Пушкин видел, ё-моё,
 Баба в огороде репу содит,
 Кот учёный под балконом бродит,
 Веет ветер, сносит комарьё.
 Веет ветер, бочку шибко гонит,
 Дождь срамную песенку долдонит,
 В пять утра воспрянут петухи.
 Едет сонный дед в мотоциклетке,
 Чтоб словить разочек в пятилетку
 Золотую рыбку для ухи.
 На реке тоскует рыбоохрана:

В бочке – тело, старший дремлет пьяным,
По округе льются матюки.
Едет бобик, следственная группа.
Шелестят берёзовые купы:
Ваши вышки больно высоки.

Рыжий старший песнь заводит слева.
Трижды дед забрасывает невод
Через спины голых дикарей.
Вас отлично видно с этой вышки,
Забирайтесь в пыльные тунчишки,
И давайте к ужину скорей.

Золотомойщик июнь намыл
Жёлтый налёт акаций.
Туда, где ты кого-то любил
Лучше не возвращаться.

Это уже не тот коленкор,
Город не тот. Он рыба,
Проглотившая дом и двор,
Где вы стоять могли бы.

Выцвела лента её реки.
Сам ты древнее инка,
Провинциальные голубки,
Мягкая серединка.

Здешний садик одет в старьё,
Приоткрывает дверцу:
Контур дерева как копьё,
Вросшее в чьё-то сердце,

С глаз упрятанное в мокрец.
Боль ничего не значит.
Морщит личико пруд. Подлец,
Точно, сейчас заплачет.

Посредственность, весёлая вдова,
Вторгается в присутственное место,
Садится в кресло, кожей хрустя.
По существу, она ещё дитя,
Стеснительная, нервная невеста.

Жених спешит, но, в общем, опоздал –
Повсюду пробки. Царствует скандал,
Родители готовы к рукопашной.
Цветы, утратив свежесть, запах льют
Тлетворный. В загсе кофе не дают.
Повсюду цвет какой-то карандашный.
Невеста плачет в лилии. Они
Спокойны и приветливы одни,
Нектар солёный молча собирают
И светятся тихонько в темноте –
Уже к семи подкралась стрелка. Те
Из приглашенных, кто устал от пьесы,
Уехали тихонько в ресторан
Несвежие жевать деликатесы.
Отец невесты с ночи крепко пьян.

Но вот и топот. Топота копыт
Дитя не слышит, ибо крепко спит.
И мать её в сторонке прикорнула
На тучном теле пёстрога баула,

В нём запасные тонкие чулки,
Духи, бельё, косметика и вата.
Мир испускает нежные храпки.
Так сладко веет воздухом с реки.
И бодрствует только регистратор.

Она толста, ей нравится женить,
Протягивать невидимую нить,
И ощущать себя чуть-чуть Юноной,
Дарующей заветную печать.
Сама она, не обзаведшись оной,
Порой готова броситься с балкона.
Но вот об этом лучше промолчать.
Рабочий славный день почти окончен,
Пора идти, кормить котов своих...

Внизу шумит придворный колокольчик.
И то ли чёрный ворон, то ли мних,
Заходит, весь измученный, жених.

Заходит тихо, крадучись почти,
На всё взглянуть и ноги унести –
Такое впечатленье создаётся.
Внутри Юноны скверное смеётся,
Откуда ни возьмись, слова взялись:
– Я им скажу, что вы не добрались...

Жених уходит. Свадьба остаётся.

Завернула тревога своих омулей
 В голубое суконце,
 Окунулось в бесчувственный воздух полей
 Расписное славянское солнце.
 Всё, что рыщет весной по великой грязи,
 Наблюдая небесные хляби,
 Настоятельно ноет: ложись и ползи,
 Видишь, солнце, особенно если вблизи,
 Жарит лучше, чем в Абу-Даби.
 Вон араб, завернув в полосатый халат
 Длиннобокое узкое тело,
 Совершает решительный свой газават
 Посреди твоего чистотела.
 Подрезает лисички, в лукошко кладёт.
 Между сосен надменно хромает.
 Конь его терпеливый задумчиво ждёт,
 О пустыне волнистой мечтает,
 Где лисичкой созрел ядовитый самум,
 Удивлявший подвижного грека,
 Где, как может понять незатейливый ум,
 Влажно только внутри человека.
 Это значит, возможно, что, боже ты мой,
 Сколько рыбы живёт в человеке!
 А у нас накрывает прозрачной зимой
 Точно крышкой речушки и реки.
 А у нас, надевая занятный наряд,
 С бодуна и, похоже, без цели

Пробирается лесом счастливый солдат
 Между огненных изб, между мазаных хат,
 Юрт, похожих на карусели.
 А на Пасху гудит в нашем царстве воды,
 Забирая в себя понемногу
 И пустынный самум, и вершины, и льды,
 И простые дела, и большие труды
 В подношенье озёрному богу.

Моя провинция с её сумасшедшими,
 С её золотым зверьём.
 Сидит человек Иванович,
 Пялится на водоём.
 Как голова у дятла,
 Разум его горит,
 Сидит человек Иванович,
 С мухою говорит.
 В космосе тоже мухи
 Тревожат нас красотой.
 И вот – человек Иванович,
 Как человек простой,
 Как нить, как носок из нити,
 Связанный на века,
 Простите меня, Иванович,
 Помилуйте дурака,
 А так же другим отцветшим
 Пускай придадут объём
 Вселенной с её сумасшедшими,
 С её золотым зверьём.

Список камней до середины прочтённый
 Детям дарует волшебный язык –
 С тоненьким ливнем переплетённый,
 Он на пороге волнения возник.
 Он на пороге сражён удивленьем:
 Узкий проход стерегут корабли,
 В гуще стеснительной бродят олени.
 Девочки бьют золотые колени
 Краешком долгой и плоской земли.
 Здесь птолемеевы верны расчёты.
 Девочки спрятали прялки и счёты,
 Ножниц блестящий расклад.
 В школе считали они без запинки,
 Ловко кроили из ситца, сарпинки
 Крошечный ад.
 Космос накрыт красотой, точно крышкой,
 Преодолев любопытство, мальчишки
 Ждут, обретаясь в тени,
 Бремя жары им пока неподъёмно.
 На тишину распростёршихся комнат
 Сверху ложатся огни,
 Падают в лампы, венчают макушки.
 Красная мажет сурьма
 Башни, соборы, мужчин на опушке,
 Камни, могилы, дома.
 Вот и сверчок, полководец печали,
 Тоненько спел, как дрожало вначале

Бедное тело в пыли.
Девочки тело любили, качали,
Мальчики долго и тонко кричали –
Долго понять не могли....

Небо стало тесней, поле длинней и площе.
Чем я могу владеть в нашей невинной роще?
Вкладывая секрет в линии, дыры, пятна,
Знак владения указывает: обратно.

Роща мертва, что, кажется, невозможно.
Следует к ней подкрадываться осторожно.
Робкий дракон в стеклярусной чешуе
Замер сегодня у полдня на острие.

Но не успел окончательно омертветь,
Полдень Георгий, здравствуй, о том ответь,
Как обладать немислимой красотой,
Если глядит в неё человек простой?

Если поля раскинулись так светло,
Что посередине лета на них бело.
Если в небе расправилась теснота
Телом желанья и плотным огнём креста,
Бьётся листва и падает в уголочек
Между карандашей и тягучих строчек.
Я обещаю, как только сойдёшь с коня,
Подо льдом мерцающих оболочек
Жар невинности крепче, чем жар огня.

Беспечный факт любви второе ищет тело.
 Оно – сурьмит, кровит, оно само хотело
 Спуститься в вестибюль, где обитает скука,
 В пустующий июль войти тяжелым звуком,
 Расплавиться, войти, стихом однообразным,
 Что слепочек с любви снимает безотказно,
 То смотрит на неё, то ищет, то ласкает –
 И маленький герой её одну алкает.
 Восторженно трубя, что время быстротечно,
 Он видит в ней себя, целующего Нечто.

И этот поцелуй распространился выше
 Оконных катаракт, фигур в подъездной нише,
 Он выпал из окна, повесился в туалете –
 Иначе здесь нельзя, при грубом ярком свете.
 Иначе не везёт, живешь наполовину,
 И день к тебе ползёт, душливый и длинный,
 И радиоволной обматывает зданья,
 Но разнице причин не ищет оправдания,
 Свободно проникает к обманутой жене,
 Где тихо пребывают в согласии оне.

Часы выворачиваются кукушкой наружу
 Словно время свою обнажает душу,
 Мается и парит на исходе дней.
 Чем дальше я от земли, тем она черней,
 Тем больше я в ней увижу – как она движет, дышит.
 Тем чутче она, тем она меня лучше слышит.
 Мы к вечеру с ней замрём, чтобы между речек
 Запел огромный августовский кузнечик,
 Чуть раньше запел, чем август среди вещей
 Раскинет краски листьев и овощей,
 Чуть раньше надменных правильных георгинов.
 Зелёный призрак согнул золотую спину,
 Но ты в пыли малины, смотри, не спи,
 Огромной бабочкой крылья свои крепи,
 Закройся в тайне, мечтай, никому не знаем,
 Для разделения силы скорей копи...
 Кукушка мертва, болтается на цепи.
 Душа свободна, посредник необитаем.

По желанию поэта
Загорается восток.
Бабочка, гражданка лета,
Тянет мерзкий хоботок.

В день жары смертельной тенью
Исходящие тела
Бабочка, посланец света,
В темноте подобрала

И несёт на робких крыльях,
На одном крыле – меня.
Над пучиной чернобыля
К чистоте иного дня.

Мы летим, внизу ишачит
Ясный город деловой.
Он ишачит, это значит
Только то, что он живой.

В череде нагромождений
Находя себе уют,
Бродит сын ошибок гений,
На кладбище водку пьют,

Хлещет тополь малахольный,
Пьёт мужчина из горла.

Всем спокойно, всем привольно,
Только у меня дела!

Бабочка! – кричу в полете:
У меня ещё дела!
А она, как в анекдоте:
Умерла так умерла.

Если в руках бесчинствует карандашик,
 Следует путешествовать много дальше,
 Нежели в старый двор, задёрнутый паутиной,
 Нежели в частную память, завешанную картиной,
 С изображением тела или зверинца,
 Нежели в безнадёжности всех провинций.
 Лучше лесной дорогой идти пешком,
 В этом сам себе будешь проводником
 Между зелёным светом и тёмным светом,
 Между берегом тем и всем, что стоит на этом,
 Густо заросшем, обрывистом берегу.
 Всё, что на нём увидишь, бери по праву:
 Воды Везера, камни и сушь Моава,
 Жирное солнце, лапающее тайгу,
 Женщин чернее ночи, женщин луны светлее,
 Воду озёр, что от соли день ото дня белее –
 Шпарит июль. Малина вошла во вкус.
 Шарит осока по дну. У другого края
 Облако сосредоточенно растирает
 Ранку солнца, похожую на укус.
 Следует путешествовать дальше, дальше.
 Так и дойдешь до маленькой старой дачи,
 Там, где пустое зиждется в холодке.
 С кресла, поющего на голубом крылечке,
 Можно настырным взглядом достать до речки
 С лодкою на обветренном языке...

Лодку сказав, я могу вызывать Харона,
 Этой банальностью не нанеся урона –
 Смерть превосходна тем, что за ней ещё
 Есть путешествие дальше, намного дальше,
 Чем обещает маленький карандашик.

Это если сказать коротко и общо.

РОМАНС

Ничего это тело не хочет,
Потому что прохладней – в аду,
Только полдень кряхтит и лопочет:
Я ещё подожду, подожду.

Даже грешники злые могли бы
Вскрыть могилы и выйти на свет.
Не жалею об утерянном, ибо
Это прошлого подлый привет.

Не мечтай об ушедшем особо,
Отдаваясь ему в кабалу –
Рассыхается память как обувь,
Позабывая в тёмном углу,

Рассыхается, мается, жжётся,
Прежде времени сушит листы,
В ней природа надменно смеётся,
Избегая своей красоты.

Всё скрипит и сохнет, скрипит и дряхнет,
Зашивают пустые углы арахны,
Как в кульки беспрозрачных мертвецов,
Зашивают чашки, тёмные блюда,
Зашивают рты, очеса, сосуды –
Чтоб глядеться с пристрастием нам в лицо.

Вдруг от стёкол отприкошетит площадь,
Только что в окно посмотрела лошадь,
От гераней в окнах – ещё дряхлей
Облик времени, женщины – старше, плоче,
Напоминают святые мощи,
Дым отечеств, судорогу полей.

Этой малой гиблой земле навстречу,
Этой милой глупой сырой земле
Что там светит глазом в липучей мгле?
Что там дышит средь неназванных братьев,
Забивает грязью родные рты? –
Рвы и степи, родина пустоты.

Только слышно – воздух грызёт калитка.
Греки соображали в богах и нитках.
Мойры пряли. Реки себе текли.
Заползали маленькие улитки
В первобытные уши большой земли.

И скрипело всё, как в старом трамвае
 Или в доме на высоченных сваях,
 Под которым ветры ведут гульбу.
 Точно мёртвым телом покой тяжёлый
 Навалился на городок весёлый,
 Разогнав вокзальную голытьбу.
 Размотав бинты, оголив пустоты,
 Проскрипело прошлое: кто ты? кто ты?
 Не узнало, подлое, хорошо.
 Проскрипел, замучен жарою, тополь,
 Что изъяном наружности схож с циклопом:
 Хоть бы дождь пошёл.

Благородные лопухи, обнищавшие цинции,
 Выйдем в люди, было бы что надеть.
 Это неважно, что мы сидим у себя в провинции,
 Без ущерба можем хоть где сидеть.
 Мать-история распределит гостинцы,
 Всех, что в остатке, бесстрастно дождёт прогресс,
 Так что даже и в нашей глухой провинции
 Скоро поэтов будут ценить на вес.
 Книжные магазины у нас роскошны.
 Есть мастера по взвешиванию, есть мастера по лжи.
 Бродит Анубис, надев на башку кокошник,
 Палочкой машет: умер, так и лежи!

Умер, так и лежи, не воняй, не вякай.
 Слева алтайские горы, справа – Мунку-Сардык,
 Духи степей и гор приглашают тебя, однако:
 Совершай анабазис, заходи напрямик.
 Дальность душевных странствий напоминает кому,
 Сохраняет видимость тайны, распространяет запах
 Человеческого жилья.
 В воздухе – огонь и пот. Духи киряют сому,
 Сидя тут же за столиком у ручья.

Куколкой зреет дом, в нём разбухают доски –
 Вылупит глазки, расправится и взлетит.
 Ткань, уставшая от ежедневной носки –
 Тишина, вползающая в петит.

.....

Ткань укрывает маленькую площадку,
 Мальчик тихий воображает лошадку,
 Скачет, подобно индейцу Виннету.
 Мать его пьёт, зачесывается гладко,
 Спит с любовником, хочет во всем достатка –
 Производит космическую пустоту.
 Мальчик мой дерево, я не трава золотая,
 Не шиповник, которым провинция заросла,
 Просто я голос твой, который вода качает,
 Просто я тайна та, что посейчас цела,
 Тайна другой души, собранной из остатков,
 Между полем и степью скорбная стрекоза.
 Глядя на нас таких, вечных времён упадка,
 Бог Европы выплакал все глаза.
 Как разделитель, линию, апофему
 Из своей провинции, из угла,
 Между нечто и временем Вифлеема,
 Нас отражает западная поэма,
 Нас отражают кайласские зеркала.

Вдруг багровая площадь
 Свои поднимает бока,
 Беспощадным хирургом раскрыта
 Сероватая плоть потолка.
 Вырываются Тигр и Евфрат, вырывается дождь,
 Как покойников вдруг омывающий нас.
 Солнце падает в яму, как опухоль
 В пронумерованный,
 глухо мерцающий таз.

Что в нас смертного? Нет ничего.
 Добросовестный доктор, учти.
 Над угасшей травой молитву тихонько прочти.
 Катит злую каталку свою санитар, бесприютный наймит,
 Мимо тощих газонов
 Трамвай полумертвый
 костями гремит,

Перевозит сосуды для разной нужды. И беда,
 Если вдруг опустеют над ним
 Золотые его провода.
 Это будет корабль, затонувший неведомо где,
 Вместе с ним, словно амфоры Греции с маслом, с вином,
 Мы – последнее слово воде
 Как военную честь
 отдаем.

Наверху облака, погружаясь в божественный быт,
Наблюдают: внутри под водой одичавшее племя моё
В безвозвратном покое лежит –
Мир желаний без всяких желаний,
Любовь безо всякой любви.
Позабудь обо мне, водолазов своих отзови,
Чтоб такое спасать, нужно вовсе лишиться ума.
Отзови! – повторяет как чёрную мантру
Прозрачная, сладкая тьма.

Как мучительный сон воскресает она
Посреди сухопутного дня:
Злое море, которое
Розовым светом своим
Накрывает меня.

ЧАСТЬ 2

боги в садах

САД НЕВИННОСТИ

Чистота невозможна, если она желаемая...

Вот этот сад, как будто бы ничтожный,
но сколько в нём содержится чудес!
Резвится на ветру зелёный, ложный,
подобный арфе тонкоствольный лес.

В нём нежно заперт медленный прохожий,
вдвоём пересекающий черту
сырой, шершавой, огрубевшей кожи.

Листом смородины ночные
заварены чай,
и множатся сокровища земные,
в тумане непонятно чьи –

соседская здесь расцветает клумба.
И у соседки часто на лице
такое выражение природы,
которое последует в конце:

безмысленность. Без робости не взглянешь,
особенно под вечер. Долго тянешь,
когда спросить бы соли напрямик.
Но яблоня дрожит, пион поник.
А вдруг произнесёт в порыве доброты:
«Я всё предвидела. Поверила ли ты?»

Их садик меньше, чем у прочих. Но к решётке примыкающая заросль весной красна, как гневное вино, желта до августа. А после засинеет избытком тёмных астр до ноября, сливаясь с небом, тучею бугря. Ноябрь нагрянет и погубит всё. Укрывшись прорезиненным плащом, соседка тихо возится над клумбой: «Но время есть, но время есть ещё».

Невинных здесь, хоть как, не отыскать, ни в зарослях укропа, ни на клумбе, рождающей пионы и анис, настурции и жадный одуванчик, космею, кровохлёбку и левкой и, по сезону, крошки хризантем. Невинных нет среди тех, кто хочет жить, а вянет медленно и с неохотой.

Невинных нет среди жадных... – так звенит в траве, и к вечеру звон набирает силу. И от него не скрыться, не сбежать. И даже в доме, сквозь глубокий сон: виновен, коль рождаешь и рождён!

Но сад, причиной бога становясь, вину воспринимает как посланье, за ним как чёрт не гонится Эдип. Проклюнулся, подрос, расцвёл, погиб – но этим рождено очарованье.

Оно течёт, распространяя тень такую же, какую льёт словесность. На то, что всем давно уже известно: бездомный бог в краю глухих цветов, я свет даю, но видеть не готов....

«К нам раньше не посмели б прикоснуться, а тут, гляди: уже и тряпки жгут, смеются. Не это ли сад зла?!» – шипастенькие розы шепчут.

«Малину оборвали... Детский свет мы чуем, точно укус. Детский свет опустошает» – червячки настурций созрели, расползлись.

Присутствует ли здесь хозяйка сада, в малиновых оборочках Кассандра? И слышит ли, как воздух говорит, что дрожь? А муж её не рад, но терпит варенье и вино из ягод терпких, посмотрит на жену – и весь горит.

Волшебник, он засолкой огурцов руководит, а также сушит фрукты. Его любимица, корявая синап*, как будто из коломенского сада, стара. Но старость счастьем не преграда, и каждую весну цветёт она.

Вода, бегущая от пламенной погони, съедает тонкий краешек земли. Восточный тонкий бог, узбек Али, весной придёт и песенку трезвонит.

Заходит вслед красавец, брат Али. Кассандра гасит взгляд, боится, что уронит. Невинных нет на краешке земли...

* Сорт яблоны.

Из лесу видно, как ведёт войну
лопух на позаброшенном участке.
Паук оплёл шелками тишину.
Качается, хрустальная, как гробик,
в ней голубь надувает круглый зобик.
Больной забор лежит почти пластом.
Белёная труба царицынской Минервой
торчит над приусадебным кустом.

Давно не видно ни Али, ни брата.
Хозяйка приезжает иногда.
Хозяин здесь безвылазно живёт,
лелеет шапки бледного салата.
И даром воду под синапом льёт –
старушка больше яблок не даёт.

И клумба превратилась в чёрт-те что:
их сорняки ко мне пускают корни,
пролез пырей, проснулась лебеда.
Две маленьких сосны посажены туда...
Среди пустыни, как Наполеон,
терзается малиновый пион.

САД СЛУЧАЙНОСТИ

*Я думала встретить его здесь, под деревьями,
Кроны которых подёрнулись красным...*

Сочувствие не свойственно богам.
Любой из них – есть чистое желанье,
хоть он один, хоть их пятнадцать штук.
Безжалостных пасёт невидимый пастух.
Тележки возят тихую листву.
Ручей стрекочет радостно во рву.

На лавочке сидит Екатерина,
студентка из провинции, одна.
Крупна, светла, податлива, как глина.

Дриада морщит нос: на вкус её
девица опрощает этот угол.
Минерве всё равно. Диана спит
с открытыми глазами, как собака.
Собака незаметно ловит мух.
Немного ниже назревает драка.

Что ищут люди в парках? Тишину?
Империя готовится ко сну,
к смирительному неглиже,
ткань изнасилась доветха уже.
Екатерина будто грезит снова.
Зефир глядит в её полуоткрытый рот.

...Я не могу понять, куда идёт
 вот этот человек с лицом Орлова?
 Её не видит, движется вперёд.
 История пошла наоборот –
 нам ровно те же предлагает лица,
 хотя теперь шагает от ворот
 толпа доисторических сирот,
 в казённые дворцы готовых заселиться.
 Внизу уже повсюду кого-то бьют –
 сироты буйствуют. Полиция скучает.
 И только вопли чёрно-белых чаек
 осмысленность сюжету придают.

Екатерине нравится война.
 В умеренных количествах, конечно,
 в пределах сельских драк. Её свои
 эринии, должно быть, воспитали –
 Алекто, Тисифона и Мегера,
 мать, бабка и безумная сестра.
 Орлов сосёт дешёвый горький «Бонд»,
 глядит на ремешки её сандалий,
 взгляд поднимает выше, до колен,
 где бьётся пламень платья тёмный, синий –
 и постепенно попадает в плен...

Смеются статуи, разглядывая смертных.
 Зефир власы златые распростёр.
 Дриада глаз косит на пушкинский манер.
 Листва шуршит под музыку романса:
 Ну вот, и никакого мезальянса:
 Она студент-юрист, он – милиционер...

...Не всё так просто, девочки, поверьте.
 Недаром я – воинственный Эрот.
 Орлов с другой сбежит на пятый год
 и будет с той другой до самой смерти.

Она ж останется, потоки слез лия,
 бездетная, до старости судья.
 И будет вспоминать, оплакивать в подушки
 и осень, и себя, и вас, мои подружки:
 вы будете лежать, отчаянно легки,
 разбитые на белые куски.

САД ОСВОБОЖДЕНИЯ

*Верь только тому, кто скажет:
хочу повеситься, поэтому
поливаю это дерево...*

Свод бархатный порезами испорчен,
в них виден омертвевший свет.
Подозреваю, что среди планет
лишь на одной так не по-детски тóрчит.
Вставляет лучше всякого «винта»,
ведь, Господи, какая пустота!
Какая беззастенчивая рана,
что хочется порой заговорить
на языке простого наркомана,
завыть как оборотень при луне
от одиночества, чей голос — незабудка.
И на углу глухая проститутка
подмигивает мне.
Идет от сторожа, его зовут Андрей,
башка побрита, в языке серёжка.
У входа в сад кончается дорожка
цветущих фонарей.

Там началось изображение мира.
Сошла с небес влиятельная мгла,
живительным потоком протекла
в прореху радиоэфира.
Всё завелось, движенье обрело.
Сверкает сбоку битое стекло –

из тьмы фонтанов вызывает Вия
ровесница садов шизофрения,
почти что голая, в зелёном неглиже,
и мы её приветствуем уже.
Мы бродим посреди ночной росы
в отпущенные ранние часы,
пока никто о нас не упреждён.
Так я садами вновь освобождён.

Здесь каждый день под деревом сидит
страдающий душой гермафродит.
Прекрасная земная синергия:
естественная женщина с утра,
но стоит вечеру засыпать труп двора,
я признаки нащупаю другие.
Как вероломна истинная мать,
едва себя почувствуешь влюблённым!..
Веленье мне указывало спать,
и я глотал небесное с зелёным.
И будучи заполнен до отказа,
упав на завершение ковра,
я разбивался, мелко, точно ваза,
которую уносит медсестра.

Звон пахнет числами, которых нет в системе.
Звони, паяц, в бубенчики планет!
Ночь чешется, подобная экземе,
сочит из ранок омертвевший свет.
А ты, читая ради любопытства,
держи в уме, улыбочку дробя:
мой ангел чистокровного бесстыдства,
я никогда не выберу тебя.
Из тех, кто принудительно свободен
на этой окончательной земле,
я только с пустотой безвестной сходен,
качающейся в маленькой петле.

ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ В ШКАТУЛКЕ
в Саду невинности

... Ты, может быть, случайно поняла:
В садах ищу я Время. Вместе с ним
Я нахожу возможные причины
Для истинной любви, в мелькании лиц
Их узнаю. Большое даже малым
Укрытием для них готово стать.
Не поленись же письма пролистать.
А лучше возвратись к началу.

Вот этот садик, будто бы ничтожный,
Но сколько в нём содержится чудес.
Резвится на ветру зелёный, ложный,
Подобный арфе тонкоствольный лес.

В нём нежно заперт медленный прохожий,
Текущий мимо грядок напрямик,
Минующий смородинник, парник.
Навстречу выплыл демон земледелья,
Но крыльями цветочными поник.

С восторгом мертвеца, чья лодка – дым осенний,
Прохожий движется, спускаясь на траву.
Молчит земля и бьётся о колени.
Я мальчик маленький, я, кажется, живу!

На сопредельных землях тишина.
Никто не смеет пикнуть. Боги, белки
Не шевельнутся. Белый глаз одна,
Как яблоко, вращает на тарелке
Беззубая брюхатая луна,
Ей позволительно, пока не скрыла туча.
Прохожий опускает воротник.
Он весь озноб восторженный, тягучий.
Он весь к опустошённости приник:

Оттуда разговаривает с ним
Портной, сшивающий
Небесное с земным.

ЧАСТЬ 3

конец географии

НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ

1.

Мёд осени, пугливый яд,
Отпив, отчизна умирает,
С собою тихо забирает
Детишек, девушек, солдат.

Глядит в предсмертные очки,
На ящички, на сундучки,
На малость пуговички медной.
Свистят в петличках сквознячки.
Гремят стальные башмачки,
Набат и песенки победны.

2.

Выпытывая красоту,
Ведь расставанье предстояло,
Впадая в звуконемоту,
Мы прятались под одеялом.

Мы видели её одну
В смертельной разноцветной вате.
Мы видели её одну,
Захлёбываясь на кровати.

Мы видели: как рассветёт,
Не в багреце, не в буйном злате,
Она по улице идёт
В простом замызганном халате.

Багрец с утра киргизы жгут,
Смегают злато лилипуты.
Глухие астры стерегут
Её зловещие маршруты.

Подобья утренних огней,
Опаздывающие пассажиры,
И мы, бездомные, за ней
Бредём на зимние квартиры.

Она не ждёт и ускользает
Дыханьем в садике пустом.
Но смилостивится потом
И поцелуем замерзает
Над холодеющим мостом.

3.

Сдаётся без сопротивления
Предместий тихая листва,
Здесь чувствуется утомленье –
Покладистое население
Передвигается едва.

Дождей бежали садоводы.
Заметно затянулись броды –
Сбегают ветерок зане
Ему подмигивают воды,
Холодные на глубине.

Старушка Маргарита Львовна,
Конфетку съев наедине,
Глядит на слишком блёклый фантик,
Как будто сон Фиораванти
О мрачной русской старине.

Съедает дождь церковей верхушки,
Грызёт избушек черепушки,
Марию Львовну хват за нос.
Она спешит уйти с балкона...
И больше ни одной персоны
Сюда нелёгкий не занёс –

Наедине с предметом страсти
Стою к предместию спиной,
Лицом к предзимнему ненастью,
Где в угасаньи столько счастья,
Где осень вся передо мной.

Из путешествия во Владимир

Бог воздуха проник во двор
И, слышишь, окна заиграли
На звонких скрипочках петель,
На круглых пальчиках щеколд
Защёлкали, зачекотали.
Запел, запел проём дверной
О-о-о языками колоколен,
Протянутыми в мир иной,

А-а-а яблоками в синеве,
Зловещим пятнышком в траве,
Звеневшей: мальчик, будет больно.
И хор тянул: божественно-о-о!..
Раскидисто и хлебосольно,
Басами ухая: живее-е-е!..
Под розовыми облаками
Сжимались маковки церквей
Младенческими кулачками.

Иволгинские ласточки

Ходит всадник по полю,
Слез с коня.
Поёт красную песню,
Потом затягивает синюю.
Ласточки просыпаются, услышав дождь,
И начинают круженье.

Насекомые пробуют лапками воздух,
Лезут на кончики трав, повыше,
Чтоб представленья увидеть,
Танцы с чудовищными головами.
Лубсан мог бы нарисовать,
Как трубы отдают богам
Человеческие голоса.

Степи лежат огромными тарелками,
Каждый оставит на них что-нибудь.
Вот синяя песня,
Вот красная,
А вот утерянная бусина,
Буряад зураг.

Каждый чужак ищет здесь
Счастливую песню.

Бродит возле сумэ,
Удивляется:
Точно танцует девочка,
Пальцами взяв подол,

Полдень в иглу вдевает
Тонкую реку,
Будет сшивать небесное и земное.
Что здесь можно найти,
Кроме пустого дня?

Птицы острыми криками
Рассекают синее масло.
Вертится колесо, полное радости.
Качается песня-бусина
На шее у женщины.
Над её головою
Белая ласточка вьётся,
Сааган хараасгай.

Поправляют ограду
Обритые наголо
Возлюбленные пустоты.

На плоский её живот
Зной упал, расстелился,
Точно платок,

Белые ступы накрыл.
Дворец нетленного тела
Мерцает под ним, как под водою
Нарядная рыба.

Зеленогривые львы зевают,
Лениво порывивают на женщин,
Спешащих к эмчи-ламе.

Пугливые хуvaraки
Опускают глаза,
Стоит им заметить вниманье.
Их китайские тапочки
Оставляют
Одинаковые следы.

Степь похожа на сердце,
В котором
Гнездится покой.

Степь похожа на моё отрочество:
Пыль и надежда,
И сухие просторы, и
Вихрастые облака.
И безветрие.
А потом – ветер.

Здесь, в Иволгинске,
Красные барабаны он крутит,
Тоже творит молитвы.
Бросает ничтожное подаянье:
То семена, то усохшего комара.

«Все вы, поэты, – дуновенье, ничто, изменчивость» –
говорит степь.

Но я смотрю на неё и понимаю: лукавит.
Степь, как старуха, на которой

Цзюйи испытывал свои стихи:
Поймёт или нет.

И кручу барабаны, которые
От рук чужаков и ветра
Крутятся так же весело,
Как и от рук монахов.

Краснокрылые ласточки,
Мальчики и мужчины
Держат ворота тяжёлые,
Улыбаются львам.

Азия

Небо, подобно голоду насекомых,
неутолимо, пугающе для незнакомых.

Стебли грызут кузнечики. Как маяки
в травах сигналият летающие жуки.

Тонкая речка двигается едва,
скручены в кольца мерцающие рукава.

Камни звучат и трескаются от зноя.
Мёд терракотовый обнял безделье сенное.

В нём притаились от гибели на волосок
призраки воинов в стане застывших осок.

Вид из крепости на Девичью башню и море

Оглянешься: вокруг, на скучных берегах,
В измятом саване и грубых сапогах,
Сугдея теплится на синей простыне
И оживает женщиной во мне,

И красит рот в преддверии досуга.
На фоне камня, выжженной земли,
Небесные держащей корабли,
Мне шлюхой кажется
Природа юга.

О, время липкое, торговля твой конёк.
Сугдеин обещает огонёк
На башенке зажечь. Обманет, ясно.
И всё же гибель древних городов
Достойна поэтических трудов –
Поскольку лишь трагедия прекрасна.

О лестницы и стулья ударяясь,
Спешат туристы выглянуть туда,
Где мается безумная вода.

Им кажется: ещё белеют трупы
На желтых мелях, где поёт песок,
И будто виден девичий сосок.

Им в окнах стрельчатых
Чудовища видней.
Им кажутся сюжеты прошлых дней
Возможными. Вступив в свои права,

Лишь только ночь распорядится ими:
Даст насладиться, приоткрыв едва.

И на песке, который влез на берег,
Желая только тела и тепла,
Особенно заметно: власть – мала.

Особенно заметно: то за мной,
Что тянется стеною крепостной,
Иначе как любовью не назвать.
Что пылкое степное дуновенье
Приносит на минуту ослепленье
И восвояси дёргает опять.

Весь нижний мир – подобие креста.
Во мне как язва зреет пустота,
Подобная величию де Фиески,
Чудесный заговор, обманчивые фрески,
Звучанье Шиллера, и молчаливый Дант,
И прочее сгущение, реторта
Такого удивительного сорта,
Что в панике сдаётся комендант.

Он чётко видит: как же власть мала!
Тот различает градусы тепла,
Кто отделяет нежное от страсти.
Чему нас учит этот переплёт?
Что прав не тот, кто силою берёт,
А тот, кто выезжает на контрасте.

И женщина, влюблённая в себя,
Как Понт Евксинский, в облацах клуба
Морскую воду, темную как сажа,
Смеётся. Между прочим, над собой,
Шагающей на шпильках, в камуфляже.
И следом путешествует по пляжу
Избитый месяц, мальчик голубой.

Турки в море вылили молоко,
 Подоив небесную кобылицу –
 Голубым разрезом даёт границу,
 Если вдоль по кромке идти пешком,
 Нарушая правило темноты,
 Мимо женщин, похожих на горы, мимо
 Растерявших праздничные черты,
 Полных мусора и травяного дыма
 Медленных улиц, воздух которых крут,
 Начинает мысленно проясняться:
 То ли сны античные нас зовут,
 То ли птицы мечутся меж акаций,
 Пробуждая тревогу, когда волна,
 Та, что тысячи лет чёрт-те где бродила,
 Набирая вес, высоту и силу,
 Возвратилась, древней любви полна,
 От неё незанятый человек,
 Даже сам не захочет, но вдруг услышит,
 Что внутри свободен, и как она
 Он внутри качается, любит, дышит.
 Средиземным дымчатым изразцом
 Помещается в центре великой качки
 Грязно-белая кошка со скуластым лицом
 И глазами синими, как у прачки.

Двери чайки скрипят. Полотно на ветру гудит.
 Только женщина преумножает, почву родит.
 Это ткущая – ткёт. Это сладкая – тёплым сиропом бежит.
 Сонно тайна моя на постели измятой дрожит.

Кто из нас разоритель, кто хитромудрый Улисс?
 Кто с утра отплывает? Кого берега заждались?
 Не вставай. Из распахнутых окон, как из океанских глубин,
 Поднимается время и в раковину трубит.

В телефон набивается мокрая чешуя.
 Запах влажный тревожный у твоего жилья.
 Каждой лестничной клеткой, каждым грудным тук-тук
 Прирастает время, жадный морской паук,

Прорывается время молóками из нутра.
 Не дойти, не доехать, прореха души, дыра.
 Позвоночник основы и верная нить утка.
 Ходит-бродит небо, полное молока.

Переулки, как чаши, древнюю льют тоску:
 Ты ткачиху свою посильней привяжи к станку.
 Врёте: так же потеря его, как и моя, сладка:
 Дрожь основы и густо красная нить утка.

Все отчизны погублены, разорены. Только земля тепла
 От его постели и до моего стола.
 Все казённые дети, любимый, вытянемся в строку.
 Я вернусь оттуда и после тебя – дотку.

На равнинах падают сады
 В нижний мир, где яблокам горбатым
 На закате круглые пруды
 Кажутся подобием стигматов.

В эти раны падают сады,
 Яблоки, похожие на тело,
 Спящее в душистом шалаше –
 Потому и с дерева слетело.

Яблоки, похожие на птицу,
 Опереньем подметают свод,
 Здесь в саду ни одному не спится,
 Здесь, как прежде, всё наоборот.

Ветки вьются, заглушая звуки,
 Заглушая синие дома,
 И зеленоглазы, долгоруки
 Прячутся под воду терема.

Рвётся к ним ребёнок непослушный,
 Матери своей противовес.
 Мать молчит. А за стеною скушно
 Бьют дожди, наказывая лес.

ПАНСИОНАТ

Тоска играла на рояле,
 Вдоль комнат музыка плыла.
 И двери сонные сияли
 Напротив круглого стола,
 Прописанного в общем холле.
 На ворс диванного чехла,
 Как на люцерновое поле,
 Мостилась длинная пчела.

Лиловые глаза оврага
 Уставились через стекло.
 И обвинительной бумагой,
 Кошмаром облако плыло.
 Совсем погаснув в тёмном зное,
 Плыло оно издалека.
 Нас в холле было ровно трое:
 Я, облако, тоска.

Мы только трое помещались
 В картинах золотых времён.
 Тихонечко перемещались
 В столовый павильон.
 Летели бабочки и мухи.
 Спешили на большой обед,
 Гребли советские старухи
 За ними вслед.

Приплюснуты стеклом витринным,
 Пирожные текли слюной,
 Задумчивые мандарины
 Зловещий источали зной,
 Шурша джинсой восьмидесятых,
 Случайною в текущий век,
 Доедал мечту о поросятах
 Какой-то добродушный грек.

Жена питалась винегретом.
 И, прославляя шутовство,
 Певица, вся полуодета,
 Не ела вовсе ничего,
 Смотрела в зеркале громадном
 На отражение стола,
 На бочку с фикусом нескладным,
 На сахарницу, где надсадно
 Жужжала мёртвая пчела.

На дверь, на розочку покоя.
 Как солнце морщит плексиглас
 Чужого времени, какое
 Ещё не видывало нас.
 Оно в воротничках тридцатых
 И в тувельках сороковых
 Шаталось по сырому саду
 Неподалёку от Москвы,
 И нашим скучным маскарадом
 В какой-то миг привлечено,
 Оно из глупенького сада
 Таращилось в окно.

И спрашивало: кто ты, кто ты?
 Младенец, женщина, старик?
 Мы вытертые переплёты
 Уже малопонятных книг,

Прошедшие земные лица,
 Берёзы в черточках сурьмы,
 Кому в империи не спится
 На чёрной лавке хохломы.

Кому грядущее маячит,
 Чтоб оборвать на полусло...
 Здесь невозможно, чтоб иначе
 Проклёвывалось и росло.
 В жаре и смуте то и дело
 Душа пуста или глуха.
 Но вдруг – взяла и полетела.
 Так средь берёз и чистотела
 Рождается Его дыха...

БЕГСТВО В ЕВРОПУ

1.

От сладких глаз ключи, от сонного изюма
 Всхолмления имён на дне Каракорума,
 И дальше, в желтизне, степи заросший пах.
 В седле чужом как пьяные качаясь,
 В разгар зимы ничем не отличаясь
 От каменных усталых черепах,
 Во всём находим знак. Он – птица белизны
 На фоне колыбель качающей страны:
 Лежащий в ней рожденья ожидает,
 Его досада горькая снедает –
 Пока он нем и мы ему нужны.

Беспольный век кряхтит, таращится и блеет,
 Над маковкой таинственной довлеет,
 Искореняет свет, от губ бегущий вниз
 Кочевником, не знающим устатка,
 Чьё тело безошибочно и гладко –
 Фонтан, в себе гоняющий кумыс
 И красное вино, и злую кровь Орхона,
 Которая бежит, осёдлости препона,
 И ею в искупление вины
 Любовниками в наступленье сонном
 Грядущему мы в дар принесены.

2.

Грядущему мы в дар принесены.
 Я бабочку себе напоминаю
 Уснувшую, но будущую к маю.
 Мы с нашим веком накрепко равны.

Осенний змей скрипит, как слабое железо.
 О маленькой судьбе тоскует махаон,
 Монголами меж старых рам пленён,
 В глаза паназиатского разреза

Попался махаон, желток и капля крови.
 Поверх разносится военный рёв коровий,
 Монголки с вёдрами к питомицам спешат.
 И кормят лошади тонюсеньких лошат.

Речушка кормит всё, что может почвой зваться.
 Песчинки, что самих себя боятся,
 Навечно погребают города,
 Которые теперь – подобья кладбищ
 Среди обледелых мёртвых пастбищ.
 Бродячий ветер в гости зван сюда.

Фрахтующий суда, он набирает влагу,
 Развёртывает караванный путь,
 И крылья, превращённые в бумагу,
 Несут отсюда нас куда-нибудь

К вечнозелёным дням, где тень любима тенью,
 Кустарника меж тем цветёт галиматья.
 Они себе бредут, пока подвластны зрению.
 Младенец махаон, одна из них – моя.

3.

Младенец махаон, одна из них моя,
Ткань, избежавшая мучительного плена –
Размеренного плотского житья.
Беглянка? Нет и нет! – прекрасная Елена.

Но кто со мной, второй? Его лица не знаю.
От тени тень и медленный, как снег,
Его люблю, его подозреваю,
И он – не ты, и он – не человек,

Безропотным и млечным снегом ляжет
У маленьких задумчивых ворот.
Смотри на зеркало, оно его покажет,
Шпион неуловимый, донесёт.

Вступает лёгкий лес в предзимнее стоянье.
И ранено ручьем, промерзшим до костей,
Забытое почти, одно воспоминанье,
Как степь степей из тысячи частей.
В нём всех любовников ритмическое тело
Произнесло глубокие слова:
Великое в действительности цело.
Грядущее растёт. В окне повеселело.
И ты летаешь, друг,
душа моя,
жива...

СОЛОВЕЙ

Все, имеющие уши,
Я пришёл кругом царить,
Соловей, хранящий души
Всех, лишённых говорить.

Дети скуки и раздора,
Средь какого, зрите, сора
Вы растёте как трава?
Принимайте и владейте,
Будто маленькие дети
Драгоценные слова.

Возле сада нежилого
Песню сладкую лия,
Услыхал: бывает слово
Чище песни соловья.

Говорят, что это слово
Помещается внутри
Маленького птицелова
В виде крошечной зари.
В виде чёрного отточья,
В виде робкого тире,
В виде музыки сорочьей
На зацветшем пустыре.

Как, сознайся, ты вмещаешь
Чувства все до одного?
Обрети меня как воздух
Для свещения своего.

Ничего не умирает,
Всё живёт, живёт, живёт.
Если всё живёт, живёт,
Значит мир подобен раю.

Ночь согнула лунный рог:
В небесах висит подкова.
Но зачем нужна подкова,
Если в мире нет дорог?

И туманность молока
Не ложится на дороги.
Ведь зачем нужны дороги,
Если нечего искать?

В серебристый смех во сне
Липы листики макали.
Что бы мы с тобой искали,
Где бы это мы искали? –
Если в мире – допускаем –
Никаких страданий нет.

Хоть намёком назови,
Что сопутствует печали?
Травы тихо отвечали,
Липы листики качали:
А прекрасной нет печали,

И опасной нет любви.
Мир живёт, живёт, живёт,
Сам своим наполнен смыслом.
Только странным коромыслом
Месяц по небу плывёт.

.....

На кладбище

В краю гробов и кипарисов,
В некрологическом саду
Я бледной шишечкой повисну
И в глубь земную не уйду.

И ты, жилец чугунной вазы,
Завидуй, притаясь на дне,
Что в мире статуй одноглазых
Не позабудут обо мне,

Что и ребёнок, и собака,
Забредшие под сень куста,
Заудивляются: однако!
Смотри, какая красота.

Вон статуи, топорща локти,
Тверды, бесчувственны внутри,
Кусают мраморные ногти,
Кладбищенские сухари.

Вон дворник рыжею метлою
Пугает мелкий листопад,
Вороны дружною толпою
Со статуями говорят.

Всё так мертвó, хотя и живо,
Вдовою ветер голосит.
Но посмотрите, как красиво
На ветке шишечка висит!

Поранен локоток
о золотые оси,
как скрипка потолок
Шопена произносит.

Предчувствием всего
полно произнесенье:
мы только вещество
в утробе воскресенья.

За благо быть чужим
спешим в лесок окрестный,
где, неопровержим,
витают Неизвестный.

Какое щегольство!
По всей заросшей круче –
не только вещество,
но и Шопен, и Тютчев.

Лиловый лёг прострел
к земле, в очаг зелёный,
где заживо сгорел
Шопен произнесённый,

где всё необжито,
и тишина кивает:
в рождающем ничто
здесь Тютчев пребывает,

здесь прячутся ужи
меж удивлённых знаков:
повсюду Бог лежит,
предельно одинаков.

Когда закатывается солнце,
Белое, как бельмо,
И травы темнеют, и деревья на кромке леса
Тяжёлыми телами закрывают
К дому узкий путь,
Владельцы лёгких ног, хозяева дудочки,
Отворяют околицу, и тёплые коровы ночи
С выменем до земли
Несут пищу тварям земным,
Травам земным,
Следуя воле добросердечных своих управителей,
Заботливых, счастливых, свободных.

Так что же мы, пастухи своих сердец,
Пасём скотину нашу
На тощих лугах омертвения,
На болотах зависти и тщеславия,
На пустошах злобы,
На склонах жестокосердия? –
Ни один из нас не счастлив,
Разве что дурак.

Благослови, Господи, кнут наш.
Ибо этот инструмент точен и прост.
Благослови солому, ибо она добра и податлива.
И колокольца, сияющие разноцветным звоном,
Благослови – ибо свидетельствует музыка
О человеческом сердце.

ИМЕНА

Лет в пять бывает острое сомненье,
 Как будто ты на глиняных ногах
 Висишь тяжёлой чашею над бездной.
 И кажется, что твой отец – другой,
 И мать – другая женщина. Тебя
 Усыновили. Поцелуй страха
 Горят и на глазах, и на щеках.
 Тебя жалеют всякие растенья.
 Померкшее на блюдечке варенье
 Дичает на столе. Но это в прошлом.

Теперь, гуляя в садике другом,
 Скучая за вишнёвым пирогом,
 Я отдаю себе простой отчёт
 О том, что только слову суждено
 Нас сохранить, что именно оно
 Становится тем глазом бесконечным,
 Которым мы осматриваем мир –
 И до себя и очень долго после.

Чуланчики гражданских состояний
 Неизмеримость прежних расстояний
 Подробно обрисовывают нам:
 Малания Флегонтовна была
 Супругу Поликарпу слишком горькой,
 Но бесконечно преданной женой.
 Их родичи, их предки, да и дети

Одной лишь только записью остались,
 А до того – произнесённым словом,
 Которое истаяло давно.
 Черёмухи, лохматая малина,
 Крыжовник, обездвиженный жарой,
 Родители умрут, как спелый день
 В ночной дремучей пасти исчезает.
 Сожрёт и нас. И нас – произнесут.
 И тщательно запишут в книге актов.

Распространяя запах сожаления,
 Воздвигся светлый лес. Жалел о нас.
 Черёмухи цвели и говорили:
 Мы помнили тебя, когда жила,
 И помнили ещё намного после.
 Деревьям в этом смысле повезло,
 Они в себе протяжными ветвями
 Удерживают многие дыханья,
 Присваивая или отдавая
 По мере погибания другим.
 Но мы ни крон просторных не имеем,
 Ни корня разветвленного, ни даже
 Ствола, чтобы живую лодку сделать.

Мы движемся к звучанью как слова.
 Останемся не весом и не прахом –
 А в книге актов: мы существовали.

И запись есть, заметная едва.

Всё снаружи преобразилось,
 Стало одинаковым.
 Вскипела земля – так посредством брожения
 Перемешивается тесто.
 В новом мире, похожем на хлебные кирпичи
 Одного размера,
 Жизнь происходит
 В строго указанных направлениях.

Скажете: одинаковость капель
 Не отменяет души дождя.
 Но дождь – равноправие капли и Бога,
 Возведённое в идеал
 Искусством особого языка.

Мои слушатели, листва и кривые ветки,
 Травы разной длины, а так же дороги,
 А так же дожди – признаки старого
 Вечного мира –
 Подтвердят: в человеческом мире
 Одинаковое враждует,
 А разное познаётся.

Вот вам пример: мой любимый и я.
 Мы говорим на языке капель,
 Производя идеальный звук,
 Когда вместе.

ЧУМА

Сказала ты однажды мне,
 На полной свежей белизне
 Запахивая халат:
 На полуострове чума,
 Она разносится сама,
 Никто не виноват.

Пел тальник розовый на ветру,
 Подобный гаснущему костру,
 Веточки кровяны.
 С балкона видно, увы, увы:
 Давно уж выкопаны рвы
 И падали полны.

Спускает время цветной чулок,
 За ним подглядывающий ангелок
 Предался опять греху:
 Весна ревёт, как дурной сивуч,
 Блуждает робкий счастливый луч
 По язвам в твоём паху.

Сестра-отчаянье, славь латынь
 Безлюдных торжищ, иных пустынь,
 Где сладостный яд иссох:
 Сосредоточен пыльщик,
 Плотник стучит, могильщик
 Прекрасен, как юный бог.

Не бойся, смотри смелее,
Как он, земли вождея,
Поёт в карнавальной тьме.
И тело её лелея,
Меж ягодиц чёрных млея,
Возносит хвалу чуме.

МАШИНЫ

1.

Как в небе сложная вершина,
Как колокол на язычке,
Во мне качается машина
На очень тонком проводке.

Как бы замедленная мина
В неравной и пустой борьбе,
Что хочешь ты, моя машина,
Какая истина в тебе?

2.

Моргают лампочки сирени,
Сигнализируют атас:
Кошмары прошлых поколений
Уже отлавливают нас.

Всегда простому соучастны,
Как пожилой эротоман.
Природа им сложна. И ясно
Они берут лишь крупный план –

В нём гении большого чувства
Болезнью скованы морской,

Тетради грубого искусства
Его заполнены рукой.

3.

Заснёшь, как Аронзон в пелёнках
В райке уютном. И в раю
Увидишь хорошо и звонко
Простую ненависть свою.

Сидит с улыбкой крокодила.
И скоро, очень может быть,
Поскольку в ней такая сила,
Научишься её любить.

4.

В мерцанье облаков на сцену
Вбегают ветер. На ветру
Включает ночь свою сирену,
Колотит палкой по ведру.

Под крики яростных оваций
Выходит наше травести:
Лицо неясных демонстраций,
Или явление в сети.

И – при респекте, при зачёте,
Попробуй кто-то похули...
Простые действия в почёте
У населения земли.

5.

А ты скрипи, моя телега,
Работай мыслью до конца,
Покуда ты – всего лишь эго,
Эмблема частного лица.

Покуда ты не глас народа,
Не флагоносец, не стратег,
Твое дыхание – свобода
В глуши чужих библиотек.

И безо всякой умной цели,
Как отморозок-рenegат,
Так будь свободна, в самом деле,
Ползи от дому наугад...

НОВОСТИ

Был вечерок с Куинджи слизан:
Сияньем муча интерьер,
Дрожал бессонный телевизор,
Мой марианский флибустьер.

И всё живое в околотке
Событием возбуждено:
Такой загадочный и четкий
Спускался Кэмерон на дно.

Он шёл, звезда киновселенной,
Ложился в дрейф, нырял во тьму.
Мои поджатые колена
Болели черт-те почему.

В морях такие расстоянья,
Не переплыть, не перейти.
Но жены брали обещанья
У погибающих в пути.

Но жены расставляли сети,
Уставя равнодушный взгляд.
И ждали, что не те, так эти
Вернутся и удочерят.

Суда стекались к месту бунта.
Стихия плёночкой рвалась,

И что-то девственное будто
Впускало траурную грязь.

Потом на дне мигало что-то,
Зажглись подводные огни.
Там голливудская работа
Кипела, боже сохрани...

Потом, к постыдному в финале
Влача стыдливую страну,
Безумный чурка на вокзале
Зарезал девушку одну.

Оно

Ночную прохладу лягая,
Повсюду скакали кусты.
Шатался как тень попугая
Несмелый божок темноты.

Цветут новостройки. Опасно
Ходить через тёмный район.
И бьётся ль на свете, неясно,
Счастливого сердце моё.

Сквозь лес у последнего дома,
Качающегося во сне,
Собакою мне незнакомой
Оно появляется мне.

И хочется ловчую сетку
Из теплой свободы связать.
Оно, зажимаясь от ветра,
Пытается что-то сказать.

Оно на глазах погибает.
Но что здесь способно цвести,
Покуда чужих вырубают
Кастетом в угрюмой горсти,

А всех остальных переводит
В бесплодную почву свою?
Так что *оно*, мёртвое, ходит?
Возьму у него интервью...

Произведения тьмы,
крошечные ночные демоны,
С той стороны
Бьются в бытие дверей,
Обитых для теплоты одеялом.
Это и есть дом. Он пуст.

Как получилось, что он пуст?
Где же рыбы, что заплывали в него каждый вечер?
Где же птицы, которые пением своим били стекла,
Желая дать мне свободу?

Ничего нет, все профукала,
Промотала. Отказалась от стен –
Оказалось, что отказалась от рая,
Который, как помните, имел ворота.

КОНЕЦ ГЕОГРАФИИ

На краешке
 Цивилизаторского бреда
 Карты, утяжелённые сепией времени.
 Желтизна скрывает материки,
 Погубленные алчностью человечества
 Познать и запечатлеть – убийство жизни,
 Названное искусством.

Но разве теперь
 Карты имеют власть?
 Разве они не исчерпали себя? –
 Нам всё известно, и даже пределы космоса
 Имеют для нас сияющий смысл.
 Кажется, на земле не осталось песчинки, которую
 Мы не познали бы – хотя бы
 Способом воображения.

Последняя карта,
 Составленная мастерами иллюзии,
 Поставила нас в тупик:
 Неужели
 Нам больше некуда пойти,
 Кроме кино и пляжа?

Чтобы
 Утолить тоску по географии
 Создана новая плоскость любви:

Тебе отвечает машина, которая
 Надеется просчитать твои чувства
 И записать их двоичным кодом.

Чтобы
 Утолить жажду движения,
 Ты закрываешь глаза и отправляешься в путь.
 Но, чёрт возьми, куда девать эти руки и ноги!
 Остаётся
 Ждать пришествия
 Нового властелина,
 Который создаст другое
 Заманчивое пространство.

... И всё же для нас сохранила война
 Кое-что: свобода –
 Наша единственная география.
 Не потому ли, желая познать,
 Мы в своих путешествиях
 Находим лишь тёмные пятна?

Сядь и опиши свою жизнь,
 Составь полезную карту,
 Которая послужит другим.
 Опиши свою Антарктиду подробно,
 В детских деталях, Меркатор, что помнишь.
 Покрытая ледяной шапкой,
 Она сохранила память о гармонии,
 В ней тело и дух как есть – человек.

Опиши весь путь.
 А затем о другом полюсе поведай.
 Чтобы мы знали, какова эта дверь,
 И знали, что за её границами
 Всё-таки есть свободная земля,
 На которую можно ступить, надеясь.

ПЛАВАНЬЕ

В подзорных трубах мрак, какого не бывало,
 Темней самой земли.
 Как сумасшедшее бормочет одеяло.
 И кажется, что воздуха здесь мало.
 Но тени лёгкие фонарики зажгли.
 На палубах, где мёд пленительного эха,
 Рассыпался на звёзды в пустоте,
 Для нас цветёт одно передвижение смеха,
 Похожее на призрака в фате.

Вставай, иди за ним, натягивай халатик.
 По рёбрам корабля в отчаянной тоске
 Светило, сумасшедший волосатик,
 Катается как шарик по руке.
 Сад древностей земных, и символы, и цели,
 Пока оно ещё поблизости горит,
 Видны в его огне. О чём же, в самом деле,
 Звезда с звездой тихо говорит?

Земля висит во тьме игрушкой новогодней,
 Не вмешиваясь в разговор.
 Друг одиночество, космическая сводня,
 А может, ты подслушаешь его?
 Для нас в иных мирах предсказанное место
 Отыщется? – каков украденный ответ?
 Плыви в безветрии, железная «Челеста»,
 Спасенья нет. И Бога тоже нет.

Глазами кораблей мы видим только скуку,
 Съедающую лица и мечты.
 Я жму сильнее твою протянутую руку,
 Но я тебя не вижу. Это – ты?
 Невеста темноты, что грим вульгарный стёрла,
 Позволь тебя обнять, коль не запрещено:
 Так одиночество нас трогало за горло
 В торговых центрах, в барах и в кино.

Светился лик, холодный и румяный,
 Земной предел себя превозмогал.
 Чудовище любви, мой ящер безымянный,
 Галактики как рвоту изрыгал.

Казалось, всё лежит в незыблемом порядке,
 Земля роняет плод, хоронит семена,
 На туше времени прожорливые складки
 Умачивает влажная война.
 Казалось, всё течёт по предопределению,
 Любимые лежат, укрывшись ветерком.
 И только иногда грозою, горем, тленьем
 Нам дьявол маленький является тишком:
 Ну-с, человечество... И в зоне Златовласки
 Земное время выдаст: Рождество!
 Волшебный аппарат вращается как в сказке,
 И зёрна спелые дрожат внутри него.

Что делать с одиночеством? Оно
 Всеобщей пустотой оглушено.
 Ни мальчика в яслях, ни голубя с ответом,
 Отныне – всё в тени. И страшный призрак смех
 Скрежещет и хрипит: а ты уверен в этом
 Блестящем коконе, последний человек?
 История мертва, ни камня, ни порога,
 Оракулы молчат, закрыв навечно рты.
 Скажи-ка, а куда теперь поселишь Бога?..

Среди иных мечтательных светил,
Подвешенных в первичном беспорядке,
Как мы сейчас, и прежде кто-то был.
В теченьях звёздных рек барахтались тела.
Какая-то дурёха разлила
Туманностей густые сливки.
Одна из рек кораблик унесла,
И звёзды выбивали дробь
По металлической обшивке...

ЧАСТЬ 4*после географии*

Я одна со всех сторон
в этом славном теле –
продолжение, обещанье, протяжение руки.
Кажется, что снится сон,
а на самом деле
даль пускает красной песни заводные языки.

Снег рассыпался один,
ходит вдоль природы,
вдоль неё и поперёк, словно потерял
жизнь свою и смерть свою,
золотые годы
в куче тихих и больничных белых одеял.

Степь одна и я одна.
В нас приходит птица.
В ней томленья никакого, лишь устойчивость крыла.
Где какие времена?
Где какие лица?
Никаких не существует – птица, птица унесла.

Поэты

Я изучала их, как мёртвые языки.
Они слагались в длинные тексты,
наветривались в пески,
возмущали хроники, развенчивая бытиё,
разбивались о камни,
возвышая молчанье своё

над несбывшимся прошлым,
которое хочется усыновить,
и над будущим, что безответную рыбу свою
в настоящем умеет ловить:
всякий раз в настоящем, когда
изливается горечью каменный сад,
зреет смерть молодая,
похожая на
голубой виноград.

В этом нет абсолютного смысла,
но спрятан великий подвох –
есть ли прок объяснить, что удел –
это равно и выдох и вдох.
Только если смотреть невзначай
на заросшие снегом пути,
можно многих увидеть,
тайком поспешивших сойти

в тех случайных местах,
где прекрасное нечто привиделось им,
то ли смерть, то ли муза, а то ли исполненный
глаз херувим.

Вечерние горы

Боюсь, что я на них похожа,
на эти горы в долгой мгле,
на всё, что вертится и может
ещё вертеться на земле.
Оно, слагаясь в мир порядком,
непредсказуемым почти,
по растерявшимся распадам
несёт сырое конфетти,
блестит, что та патриархия,
поймав в ловушку образа –
глядят во времена глухие
их розоватые глаза.
Они погибнут, их положат
без опознания и следа
в саду камней, где воздух строже
и требовательней вода.
Где освещает лёд окошка
писатель старый, сердцем чист,
пиликает его гармошка:
Иисус – первейший коммунист.
Хоть всё давно уже минуло,
и что ни образ, то офсет.
С какого страшного загула
он отсыпался сотню лет?
Во сне ему пришла картина:
печаль, терраса, южный дом,
седая совка агриппина
накрыла краешек крылом,
накрыла всё, что только может
ещё вертеться на земле,
меня и эти горы тоже,
и снег летучий в общей мгле.

В СКВЕРЕ

Путешествуя между завтраком и обедом
 В фантастическом пузыре,
 Самоубийцам как патологическим домоседам,
 Обитающим в этой дыре
 На головах друг у друга: выгляни-ка, позырь –
 Посвящен моего обеда
 Фантастический сквера пузырь.

Расползаются, цвѣта картинок,
 Чем невольнее, тем веселей,
 По нему идиоты кабинок
 И планктоны бетонных морей,
 Частоколы глухих черепушек,
 Безучастные красные рты,
 И ещё – череда безделушек
 Вороватой такой красоты,
 Мимо вздутой зелёной брюшины
 От команды «подъём» до «отбой»,
 Всѣ великое братство машины,
 Пожирающей день голубой.
 Типографий ползучая краска
 Размножает их супер-тела.
 Возле старенькой маленькой Спасской
 Богородица мимо прошла.
 Ей подали по бежевой сотке –
 На, великое горе запей –

Древний мрак в кучерявой бородке,
 Тощий морок бескрайних степей.
 Не даёт пустотелое эхо
 Им ответа за нашу любовь.
 На крылечко пустынного цеха
 Тополь выплюнул жёлтую кровь.
 Дождь чирикает всем эсэмэски:
 Видно, боженька сильно сердит.
 Ветер трубами чаеразвески
 В утешение шумно гудит.
 Под листом лопуха происходит
 Что-то в мокнущей толще земли,
 Мы, живущие, – мёртвые вроде.
 Вышли б прежние, если б могли...

СЛЫШНО

Бежит на волю чья-то речь борзая,
 В раскрытое окошко ускользя.
 Пишичитай как Господивосстань,
 В нём красная пылает иордань,
 Похожая на страшные врата,
 Откуда жжёт звездами пустота,

Откуда графоман, мечтающий о лире,
 Лабаёт на расстроенном клавире.
 Звучит в филармонической тоске
 Бог музыки – в плену, в чужой квартире,
 Хаос весёлый наблюдает в мире,
 Повесившись на тонком волоске.

Бог музыки в плену. Удерживают липы
 Беззвучный снег. Влюблённые могли бы
 Придти на выручку. Но что-то им мешает,
 Спасительные речи заглушает:
 Бог тела говорит и с ним поспорить трудно,
 Поскольку вождельенье обоюдно.

И к полдню разогрелся и стоит
 В своём воображаемом зените
 Сияющий в окне огромный кит.

Картину наблюдают вполглазка
 Приятные на ощупь злые дуры,
 Похожие на муз издалека.

Смеются, соблазнив застенчивое время,
 На белое ничто роняющее семя.
 О влажном почерке, о смутном пустяке
 Вокруг в одном бродящая чулке,
 Туманится одна,
 Потерянная, муза,
 Замёрзшая слегка на сквозняке.

РАЗРУШЕНИЕ ШКОЛЫ

Средняя школа пала,
камень на камне и ров на рву,
ускользает Пушкин, держится на плаву
Дарвин-обманщик. Подходят к её решётке
бывшие дети, дети, дети детей.
С новой школой будет ещё пустей
снимок былого, местами совсем нечёткий.

Дикие груши падают. Груши внизу гниют,
каждая груша ищет себе приют.
Ради неспортивного интереса
бьются мальчики, время – не сочтено.
Но тоскуют, глядя в её окно
пленницы образовательного процесса.

Падает время с башен её крутых,
не соберёшь костей его золотых.
Но воскресает. Поправит растрёпанные височки:
крепость пала, разобрана, сожжена,
всё уже сказано, если
теперешняя тишина
разрывает тебя
на маленькие кусочки.

ГОВОРЯЩИЕ ГОРОДА

Зачем навстречу мне приоткрывает
Краснеющие веки дом слепой?
Он говорит: а ты меня воспой.
Хоть я горбат и стар, чуть-чуть картавлю,
Настанет срок, и я тебя прославлю.
И чёрными цветами шевелит.
В калитку затекает инвалид.
Дождями заливают чердаки.
Шумят покровы мощные реки.

Облили золотом сияющую воду.
Охотно уступило огороду
Крыльцо. Закрашен герб
Над дверью голубой.
Ты здесь? – мой дом скрипит.
Ну да, стою с тобой.

И я его послушно воспеваю,
К нему иду, в нём запросто бываю.
На чистое согласна озорство –
Ведь и жильцов не знаю никого.

Подъезд побит чудовищным жуком.
По ком ты источаешь грусть? По ком
Свет проливаешь скудный довоенный?
А предьяви-ка список поименный...

.....

ты здесь ты здесь откуда я плыву
 в какой воде куда тебя зову
 чей голос монотонный как набат
 которые всегда во мне гудят
 бескровные но гневные они
 не люди пчелы тени дни и дни
 летающие где-то под землей
 спустись не бойся смилуйся открой
 подвал теплушку чёрный кабинет
 нажми на спуск и выпусти на свет
 позволь лежать им в розовой траве,
 с кровавыми глазками в голове

Потусторонней речью обнесли.
 Свивается в застенчивой пыли.
 О тех, кого из дома уводили –
 В сияющую воду увели.

Накрыты плотью как чехлами,
 Сорвать и спрятать недосуг.
 Зачем прощание с телами
 Приобретает долгий звук?

В естественном круговороте
 Волнующая грязнотца,
 Он скучен как хвала работе
 Могильщика и подлеца.

И тело недоумеваает,
 Слегка подрагивает кисть, –
 Звучанье в мёртвом застревает
 И не дает перенестись,

Когда сраженье насекомых
 Охватит тело в глубине,
 Из мира шапочных знакомых,
 Где только пугала одне.

Оставьте звуки за пределом,
 Там тихо плачет кость сосны,
 Тому, кто обозначен в целом,
 Ушедшему, они нужны.

Природа, раскинувшись в розовом кресле,
кого-то в цветном одеяле качала.
Кто будет жалеть о потерянном, если
потеря – начало.

Как много причин на рассвете исчезнуть,
задёргнуть плотнее погасшие шторы.
Кто будет жалеть о потерянном, если
оно – разговоры.

Оно уплывает невидимым дымом
невидимым вздохом в начале, в теченье
какой-то секунды, в спокойствии мнимом,
как свет, как не-свет – золотое сеченье

простой череды законных событий:
закатов, рассветов, иного томленья,
когда проступает сквозь поры наитий
рождённого слова слепое движенье.

Из памяти выйдет создание это
с таинственной памятью злого уroda
и бьётся, как вдруг обретённое лето
последней свободы.

И в жалости нашей есть львиная доля
прощенья, прощанья, влеченья, и вроде
ты видишь: любовь прорастает в неволе,
в твоём огороде.

ГРИБНОЕ ВРЕМЯ

Лес продолжает течь, как ни в чём не бывало, вверх,
где его ожидает дождь, где его ожидает то,
с чем не справится никому:
гибель памяти, чернота,
выходящая изо рта,
опрокинутая листва,
и другие – во мне – слова:
я встречаю его, грибник, верный промыслу своему.

Дуб рокочет, дразня туман, выползающий из низин:

С этой ясностью в голове между выгнутых орляков,
выгорающих от любви в пальцах осени золотых,
ты как «ты» обретаешь цвет,
цвет – как истинный вес вещей,
между пыльных, седых хвощей,
умирающих на глазах, уходящих ко мне во тьму.
Всё готовится – к одному, а приходит – не к одному.
Собирай поскорей грибы, и оставь этот лес,
беги, мой последний тебе совет.

Вот река в тишине ползёт, пожирает сырой туман.

Гул её говорит: беги... Отчего бежать и куда,
если весь человек – земля, говорящая вверх и вниз,
к самым белым своим корням,
к самым чёрным своим камням,
к самым синим своим ветрам,
к самым тёмным своим шатрам,

где один человек – его
слышит верхнее существо, слышит нижнее существо.

Между влажных грибных долин бродит тень золотых веков.

Нимбом смыкается вокруг головы
Тихое золото мелкой листвы,
Всё, чистотой одеваясь,
Плавно теряет и облик, и вес,
Входит девицей в рассеянный лес,
Спрятаться намереваясь.

Песню встречает на узком пути –
Откуда-то донеслась:
«Рыцарь, кобыла твоя почти
Ослепла на правый глаз.
Левым видит она пока,
Но видит лишь лес да лес,
Медные заросли орляка –
Видит не то, что есть».

Тихое золото мелкой листвы
Падает в руки ослабшей травы.
Мнимое это богатство
Воздух прожорливый нагло крадёт.
Так что приходится дни напролёт
Сквозь пустоту пробираться.

В ней – то ли слышишь, а то ли мнишь –
Поют земля и вода:
«Куда ты от старости убежишь?
Останься здесь навсегда.

Только подумай: всю жизнь в пути,
 Столько истратил лет.
 Ты же умер уже почти,
 Ты же почти скелет...»

Падает в руки ослабшей травы
 Тёплая сила прощальной листвы,
 Жизни грехи искупает.
 Всё, потерявшее облик и вес,
 Девой улыбчивой в замок чудес
 Вдоль по тропинке ступает.

Следом на молодом коне,
 Снова темноволос,
 Рыцарь юный едет за ней
 В замок веселых слёз.
 Красная вверх потекла стена,
 За ней цветёт благодать.
 Лает на глупых ворон луна,
 Сверху ей всё видать.

Дух обнажённый

Незнакомцы с пустоши выше иных деревьев.
 Я их не знаю, но им – знакома.
 Багровые волосы, зелёные головы, слабые голоса.
 По небу их качанья, по ветру – их кочевья,
 Дух обнажённый в овраге: «И вот я дома.
 Вот я стелюсь, я видим на полчаса,

У реки, помутившейся, точно разум:
 Крышка... – думает человек
 И поднимает веко реки, под него уходит
 Вечно средневековый,
 Вечно не чуждый музыке и убийству.
 Видим я вдоль дороги:
 Старая живопись по холсту с годами
 Приобретает прозрачность...».
 Эти века прозрачности стали теперь могилой –
 Проступили
 Первоначальные силуэты.
 Шорохом, треском и запахом прели,
 Шёпотом, цветом.

Кто мне Вергилий в этих песенных дебрях?
 В них ни вины, ни страсти –
 Лики холодных «я» золотой природы, лики царя Мидаса.
 Дух обнажённый в тихом овраге бродит,
 Всё собой отрицая, путаясь в стеблях,
 Собирая тайные части,

Чтобы всецелым предстать в канун заветного часа
 Перед тяжелым солнцем, что в тёмный овраг нисходит.

Я бы нашла дорогу, но пустошь по кругу водит,
 Мимо тенёт, мимо частей и линий –
 Видно одно, но на самом деле другое,
 Обволакивает и вынимает из тела лилий
 Часть, а не целое, это меня пугает.
 Часть простодушной музыки, часть улыбки,
 Нечто большее, чем существо живое.
 Вот и воображай после этого
 кто ты –
 Царство пустоши,
 Братство береговое.

Братство клеток, замкнутой первовлаги
 Сводит на нет историю,
 Преломляет
 О колено борщевика, о кости
 Ветрениц слабосильных
 У дна березы. Празднуют казнь
 Учебников и событий лысый пень,
 И камень – вылитый череп
 Йорика. Шмыгают милые дамы пчелы,
 Кавалерши стрекозы парят сквозь мрежи,
 Коими пустошь ловит в себя живое.

Город отживший
 Тело прячет
 В облаке ощущений.
 Тени сыпает в невидимые карманы
 Гений пустого места, неверный гений,
 Дух, одержимый целым,

Призрак в речной рубаше.
 Бегают над его песком, принимают ванны,
 Дети офелий, маленькие гальяны.

То, что пустошь прячет в своей утробе –
 Ты невидимый, ты, собой не открытый.
 То ли мальчик, то ли произведение,
 Образ, идущий вдоль сердцевины луга.
 Хмурый мужчина, в образе полководца,
 Жаркий, грязный, контуженый, тёмный, пеший,
 Праздник войны, смешавший воду и воздух,
 Из кирпича любви собравший слепые башни,
 Что теперь курлыкают и смеются,
 В старости потеряв и зубы и разум.

В чисто поле воинство злое вышло,
 И стоят напротив, под горловины
 Застегнув поблекнувшие куртёшки,
 Кепочки на косые глаза надвинув.

Паутины радужные летают.

Старая живопись приобретает прозрачность:
 Сказка исходит кровью,
 Выцветшей до предела,
 До предела тела в этакую невзрачность,
 Чтоб ни одна осина
 Не шевельнула бровью –
 В исчезновенье тела

Города, человека. В исчезновенье бога,
Спавшего на перекрестке
В тёмный и тучный полдень,
Полный воды,
Разлетевшийся над дорогой
В блёстки.

Ад пустырей закончил свои молитвы,
Жаркие и сухие,
С розовыми глазами,
С телом острее бритвы.

Не найдёшь исчезнувшему предела:
Споря, сойдутся в росте
Время, дробящее камни,
Хлипкие кости,
Дух, одержимый целым.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1.

ЖИТЕЛИ

«Я родину люблю, за красные холмы...»	5
«Точно золото в гуще глухого песка...»	6
«Те, которые слушать сейчас собрались...»	7
«Сдвинуть слово, сделать перестановку ...»	8
«В матках квартир созревает усталость...»	10
«Пора вернуться к неочевидному языку...»	12
«Мы помещаемся здесь или «здесь» помещается в нас?...»	13
«Наполняясь звуками и днями...»	15
«Покойных обобщают кладбища...»	17
«Ангелы железными зубами...»	19
«Золотомойщик июнь намыл...»	21
«Посредственность, весёлая вдова...»	22
«Завернула тревога своих омулей...»	24
«Моя провинция с её сумасшедшими...»	26
«Список камней до середины прочтённый...»	27
«Небо стало тесней, поле длинней и площе...»	29
«Беспечный факт любви второе ищет тело...»	30
«Часы выворачиваются кукушкой наружу...»	31
«По желанию поэта загорается восток...»	32
«Если в руках бесчинствует карандашик...»	34
Романс.....	36
«Всё скрипит и сохнет, скрипит и дряхнет...»	37
«Благородные лопухи, обнищавшие цинции...»	39
«Вдруг багровая площадь свои поднимает бока...»	41

Часть 2.
БОГИ В САДАХ

Сад невинности.....	45
Сад случайности.....	49
Сад освобождения.....	52
Письмо, найденное в шкатулке в Саду невинности.....	54

Часть 3.
КОНЕЦ ГЕОГРАФИИ

На зимние квартиры.....	59
Из путешествия во Владимир.....	62
Иволгинские ласточки.....	63
Азия.....	67
Вид из крепости на Девичью башню и море.....	68
«Турки в море вылили молоко...».....	70
«Двери-чайки скрипят...».....	71
«На равнинах падают сады».....	72
Пансионат.....	73
Бегство в Европу.....	76
Соловей.....	79
«Ничего не умирает...».....	80
На кладбище.....	82
«Поранен локоток...».....	83
«Когда закатывается солнце...».....	85
Имена.....	86
«Всё снаружи преобразилось...».....	88
Чума.....	89
Машины.....	91
Новости.....	94
Оно.....	96
«Произведения тьмы, крошечные ночные демоны...».....	97

Конец географии.....	98
Плаванье.....	100

Часть 4.
ПОСЛЕ ГЕОГРАФИИ

«Я одна со всех сторон...».....	105
Поэты.....	106
Вечерние горы.....	107
В сквере.....	108
Слышно.....	110
Разрушение школы.....	112
Говорящие города.....	113
«Накрыты плотью как чехлами...».....	115
«Природа, раскинувшись в розовом кресле...».....	116
Грибное время.....	117
«Нимбом смыкается вокруг головы...».....	119
Дух обнажённый.....	121